

А.В. Белов
(Институт российской истории РАН, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Судьба маленького города в контексте большой войны: город Верея и его жители в 1812 году

Abstract:

Belov A. V. *The Fate of a Small Town in the Context of a Big War: the Town of Vereya and its inhabitants in 1812.*

The work analyses the impact of the Patriotic War of 1812 (Napoleon's invasion) on Vereya, one of the most dynamic towns in Central Russia. The events described and the processes analyzed can be summed in three main groups. Firstly, the pre-war condition of the town and a set of factors determining its regional importance. Secondly, the events of the War of 1812. Finally, the consequences of the invasion: the situation in the town (among its population) immediately after the end of the war, and the impact of hostilities on further developments in the town. Documents from three different archives are studied, many of them for the first time. The author tries to abandon the traditional poetic and solemn description of the events of 1812 and show their disruptive character, evaluating the impact of the invasion on the further life of the town, of its inhabitants, and of the country.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Верея, пространственно-поселенческая структура, русский город, дореформенный период, городское население, городское хозяйство, Россия в начале XIX в.

Верея – поселение, которое с позиции сегодняшнего времени трудно назвать городом. Его население не превышает 6-и тысяч человек, трудовая деятельность которых далека от категориальных форм городского статуса. Это, скорее, больших размеров село с несколькими каменными храмами.

В преддверии. Расположенная в пространстве, наиболее населенном и освоенном еще в древности (юго-западная часть Московской области) чуть более чем в 100 километрах от Москвы, Верея впервые была упомянута в летописном сообщении от 1371 г. Правда, поселение возникло на этом месте, скорее всего, значительно раньше. И оно на первом этапе своей истории весьма мало уступало по размерам и качеству «городку Москве». Тем более, что для этого были все основания: в частности, непосредственная близость к волоку из реки Протвы в реку Москву.

В XV-XVI вв. Верея являлась центром удельного государства. Одно время можайский князь Иван Андреевич здесь даже чеканил собственную серебряную монету¹. Кроме того город занимал заметное место в системе крепостей, закрывающих внутренние земли Московского княжества со стороны южных, степных, а следовательно, неизменно крайне опасных рай-

онов². В последующие столетия, несмотря на потерю обоих этих статусов и относительно близкое положение к Москве (которая своим весом буквально давила соседние городки), Верея не потерялась среди пространств и поселений Центральной России. Более того, она заняла собственное, причем, весьма устойчивое и достойное место в пространственно-поселенческой сети края.

В XVIII в. город был многонаселенным и активно развивающимся поселением. Верея выступала в рамках «малой» Московской губернии как один из трех крупнейших уездных городов, деля это место с Дмитровом и Коломной, то есть городами, игравшими важнейшую торговую и транспортную роль. На основании данных ревизий, сохранившихся в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, на рубеже XVIII–XIX вв. в Верее проживало 2558 мужчин и 2725 женщин, т.е. почти 5 300 человек³. Большое число дворовых говорит об устойчивой жизни в городе дворянства⁴, что, как показывают исследования, было присуще исключительно наиболее развитым уездным центрам⁵.

Перечень отраслей, профилей ремесла и мануфактурной деятельности, практикуемых посадскими, составлял десятки наименований. Торгово-ремесленную активность обеспечивали несколько магистралей. Они же являлись важной причиной того, что Верея успешно удерживала роль хозяйственного центра, активность которого намного превышала официальные границы ее собственного уезда (что не типично для подавляющего числа российских уездных городков). Достаточно сказать, что торговая активность местного купечества достигала не только Москвы (где верейцы контролировали значительные сегменты этого огромного рынка), но и Санкт-Петербурга, играя заметную роль в снабжении северной столицы. В меньшей степени в фокусе торговой активности жителей Вереи выступали такие, не менее значимые города Европы, как Кенигсберг, Гданьск и Берлин.

В ходе административных реформ Екатерины II город стал уездным центром. Причем, как показывают архивные источники, его кандидатура на эту роль никем и никогда не оспаривалась, что нельзя сказать про целый ряд центров практически всех новых губерний России⁶. Более того, при сличении двух черновых планов создания новой «малой» Московской губернии (1774–1776 и 1781–1782 гг.) бросается в глаза то обстоятельство, что Верея воспринималась как город, имевший исключительные права именоваться таковым не только по административному положению (что, как известно, было весьма распространено среди «новоучрежденных» уездных центров того времени⁷), но и по сути городского характера. Согласно этим проектам Верею предполагали включить в состав Можайского уезда, оставив за ней

... собственный уезд!⁸ Ситуация парадоксальна для сегодняшнего дня, но весьма показательна для понимания норм конца XVIII в.

Хозяйственные возможности и неизбежность городского статуса привели к тому, что «отцы города» успешно реализовывали программу перестройки города по регулярному плану, принятому в последние десятилетия XVIII в. Именно в это время возникли основные каменные сооружения Вереи (половина храмов города были каменными)⁹. Строительство (точнее сказать, перестройка и перепланировка) велось в рамках осуществления городской реформы Екатерины II. Императрица стремилась придать городам облик, не только соответствующий официальному статусу, но способствующий дальнейшему развитию этих поселений. Показательно, что Верея успешно прошла этот путь, а вот, например, даже для куда более древнего и губернского Владимира подобный процесс (как свидетельствуют данные архива) долгое время был просто не под силу¹⁰.

Подводя итоги сказанному необходимо отметить, что развитие и процветание города Вереи к началу XIX в. было обусловлено целым рядом факторов¹¹. Причем как внутренних (население, хозяйство), так и не менее важных внешних (предыстория развития, транспортные пути, место в пространственной структуре края). Верея, в какой-то степени, была обречена на процветание. Конец этому процессу положили события лета-осени 1812 г.

Верея и 1812 год. Война вторглась в жизнь города внезапно. Впрочем, так это произошло для подавляющей части населения Московской губернии, включая сюда и наиболее осведомленных жителей «второй столицы». Бородинское сражение, данное на самой границе Московской губернии, было объявлено победоносным, и какое-то время эта информация не подвергалась никакому сомнению. Противника не ждали далее Можайска¹². В условиях, когда пришло осознание необходимости срочной эвакуации, обнаружилась крайняя нехватка перевозочных средств. Это не позволяло организовать масштабное спасение фондов даже финансовых правительственных учреждений. Значительная часть лошадей и транспортных средств давно уже была передана армии¹³. А то немногое, что осталось, буквально выкачивалось из губернии и отправлялось или в распоряжение М.И. Кутузова, или в Москву, в руки Ф.В. Ростопчина¹⁴.

Вытеснив русских за Можайск и овладев дорогами, как к Москве, так и к другим городам края, армия Наполеона предприняла попытку охватить войска М.И. Кутузова. Обходной маневр шел через Верею и Рузу. Стремительность маневра способствовала внезапности появления неприятеля среди ничего не подозревавшего населения этих подмосковных земель.

Подробных воспоминаний, оставленных очевидцами вхождения частей Великой армии в Верею, не осталось. Но до наших дней дошли мемуа-

ры, составленные очевидцем, одним из офицеров армии противника, принявшим личное участие в овладении другим поселением – Рузой, расположенной по соседству с Вереей. Близость места, времени и схожесть обстоятельств дают право применить это описание к обоим городам.

Офицер, отрывок из воспоминаний которого мы используем ниже, увидел покоренный город сразу после вступления в него авангарда армии Наполеона. Таким образом, картина первых часов оккупации предстает перед нами в своем подлинном виде, не «смазанная» иными событиями и обстоятельствами.

Вторжение оказалось для местных жителей абсолютно внезапным: «Надо было видеть всех этих крестьян¹⁵, в ужасе выбежавших из домов, запрягавших лошадей и гнавших их, чтобы скорее убежать»¹⁶. Часть жителей, а также не доспевшие к Бородинскому полю ополченцы¹⁷, собрались на площади, вооруженные кто чем мог, чтобы оказать сопротивление оккупантам. Но, будучи абсолютно не способными противостоять регулярной армии, они практически мгновенно были рассеяны¹⁸.

Подходя к городу и вступая на его территорию, солдаты Великой армии по приказу своего командира устремились в погоню за спасающимися местными жителями, «бежавшими со всем своим имуществом и скотом»¹⁹. По мере продвижения вперед встречалась «масса маленьких повозок,.. они были нагружены детьми и немощными стариками; с сокрушенным сердцем думалось о том, что скорее всего все эти повозки, лошади – все, являющееся достоянием этих отчаявшихся семейств, будет отобрано и разделено»²⁰.

Вступив на территорию города, наполеоновский офицер обнаружил, что «вплоть до середины площади» стояла толпа солдат Великой армии, которые неприкрыто и весьма активно грабили дома местных жителей. При этом они «не слушали ни криков хозяев, ни слез матери, которая, чтобы тронуть победителей, указывала на своих стоявших на коленях детей; сложив руки, обливаясь слезами, эти невинные создания умоляли только, чтобы их оставили живыми. Эта горячность грабежа у некоторых вполне оправдывается тем, что, умирая от голода, они стремились только найти пищу; но многие другие под тем же предлогом грабили и тащили все вплоть до платья с женщин и детей»²¹.

Как только слух о том, что город взят, разошелся по окрестностям, местные жители стали спешно покидать свои жилища. При этом крестьяне сами «в последнем порыве отчаяния, сжигали свои дома, усадьбы, хлеб и новый урожай, и только что снятый с лугов сенокос... и дома, и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизия расхищена; все это представляло полную картину разрушения...»²².

Значительная масса жителей Вереи, спешно покинувших свои дома, пыталась уйти к Москве по Волоколамской дороге, но была настигнута итальянской кавалерией и возвращена назад. Успевшие уйти от преследования спрятались по лесам, стараясь подальше уйти от дорог, по которым армия Наполеона двигалась к Москве²³.

Для города начался период оккупации, еще более усугубивший его разорение. С этим периодом истории края связана одна из самых ярких партизанских операций Отечественной войны 1812 г. Французы дорожили Вереей как важным опорным пунктом. Поселение находилось между Калужской и Смоленской дорогами. Таким образом, занимая Верею, противник полностью контролировал всю территорию к юго-западу от Москвы; магистраль, связывающую Москву с Парижем, а также направление на Калугу, удар по которой готовил Наполеон, стремясь выйти из московской ловушки, уготованной ему М.И. Кутузовым. Понимая всю важность Вереи, французы укрепили ее и расположили здесь усиленный батальон вестфальцев из корпуса Жюно.

Предвидя замыслы неприятеля, М.И. Кутузов 26 сентября отдал приказ командиру армейского партизанского отряда генерал-майору И.С. Дорохову направиться «через Боровск к Верее, где неприятель, по разным известиям, укрепляется». 28 сентября партизаны скрытно приблизились к городу, приготовившись к его штурму. Известия об этой операции сохранились в ряде реляций, отчетов и выполненных на их основании газетных описаний²⁴.

Штурмовать хорошо укрепленный лагерь противника должен был отряд из 600 человек, против не менее чем 700 вестфальцев. Кроме того, Дорохов не имел возможности вести затяжной бой: услышав канонаду, противник сразу же бросил бы к Верее мощные подкрепления (что в итоге и произошло).

Перед самым рассветом местные жители (Гречишкин, Прокудин, Жуков и Шушкин) скрытно вывели русские колонны к укреплениям (впоследствии один из проводников получил ранение во время штурма). Благодаря помощи местных жителей солдаты Дорохова вошли в город без единого выстрела. Несмотря на отчаянную контратаку и перевес сил, Верея была взята в течение получаса «в 5 ½ часов поутру». Потери штурмующих составили всего 30 человек убитыми (по другим данным – 7 убитыми и 20 ранеными) против 320 человек у противника. В плен сдались 350 рядовых, 14 офицеров и комендант. Было захвачено знамя вестфальцев.

Французы, узнав о потере города, срочно перебросили в помощь верейскому гарнизону новые силы. Те, подойдя к городу уже около 11 часов

пополудни и удостоверившись, что он взят, отошли практически без боя, преследуемые русской кавалерией.

По призыву Дорохова на помощь к войскам пришли крестьяне-партизаны во главе со священником Иоанном Скабеевым. Их усилиями укрепления были скрыты до основания. Трофеи в виде 500 ружей Дорохов приказал раздать местным жителям.

Итоги военных действий. Отступая от Москвы и из-под Малоярославца, французская армия оставила город в октябре 1812 г. Последствия ее пребывания здесь были ужасающими. Вереея наряду с Можайском лидировала в списке поселений, потери которых были наиболее значительными. Судьба обоих этих городов оказалась в значительной мере сходна. В скорбном перечне материальных утрат эти поселения шли сразу за Москвой²⁵.

Вернувшиеся в город или пережившие нашествие жители были лишены буквально всего. Богатейшие фамилии, имевшие по несколько усадеб, отмечали в своих прошениях, что «все сожжено». Те, кому повезло больше и их дома уцелели, просто не могли в них находиться: «внутреннее строение, как то полы, лавки из оных домов, дворовые строения» и те оказались уничтожены²⁶, «да и во оном все выломано, как внутри, так и весь двор, и поблизости сожжено, не токмо остался из труб с воротами и половина погребов»²⁷.

Оставленное в домах имущество («в разном платье, фарфоровой посуде, в мебели, и в екипаже»)²⁸, а также другие вещи («...разная мебель, посуда, жизненный припас, скот и птицы» и т. д. и т. д.), «все без изъятия что только ни было неприятелем разграблено и истреблено»²⁹. Списки утраты личного и наиболее ценного имущества верейского мещанина Алексея Иванова сына Шохина составили 34 пункта, и 9752 рубля общего материально-го убытка³⁰. Купечество потеряло весь оставленный товар³¹ и средства производства: ветряные мельницы, кирпичные заводы, стада коров в десятки голов и фермы в сотни единиц домашней птицы³². Были полностью уничтожены даже «в огородах плоды и овощи»³³.

Кроме того, богатые верейцы имели дома в Москве (причем, весьма хорошо обставленные, наполненные скарбом и товаром). Они тоже погибли³⁴, что подорвало позиции многих до того богатых людей.

Для тех, кто смог убежать и ждать освобождения родного города, к этому добавились еще и большие траты на переезд и проживание: «кроме понесенных при том нами во время проезда нашего с семейством по разным местам необходимо нужных издержек простирается также по истине не менее семи сот рублей»³⁵. Столь значительная сумма вряд ли являлась выдумкой. Как отмечали все очевидцы, цены в это время выросли неимоверно³⁶.

Возвращение в родной город превратилось без преувеличения в борьбу за выживание. Ситуация усугублялась тем, что пострадали большие семьи с массой малолетних детей, находившихся на попечении стариков и других родственников. Абсолютно типичным был случай, когда на главе одной семьи лежала ответственность за семью, состоящую из 1-й дочери, 5-и сыновей, 2-х младших братьев, 1-й снохи и 3-х племянниц.³⁷ И это не самое малое число лиц, которых глава семьи должен был буквально обогреть и спасти от голодной смерти. Нередки были случаи, когда на плечах старшего в семействе помимо его детей находилось по 10-15 внуков и внучек³⁸. В условиях всеобщего разорения и дороговизны обеспечение их пропитанием становилось чрезвычайно сложной задачей («содержу их, употребляя последние силы»³⁹). Большинство горожан не имело источников дохода и собственности в других уголках страны. Москва, где многие также держали свои промыслы и склады, была разорена⁴⁰.

Некоторые горожане, которым повезло больше других, жили продажей своих уцелевших вещей («содержу продажей последнего имущества, которое успели взять и сохранить от разграбления»⁴¹). Большая часть существовала «единственно самым трудным промыслом от мелочной торговли, да и то по случаю бывшей пред сим доверенности от кредита»⁴². Многие верейцы искали пристанища и содержания «среди родственников или от добротных дателей»⁴³. То есть жители богатейшего прежде поселения в 1813 г. жили в буквальном смысле подаянием!

Понесенный удар был страшен. В том числе и потому, что, по заключению очевидцев, степень разорения оказалась такой, что горожане самостоятельно были уже «не в силах восстановить себя по прежнему состоянию»⁴⁴. Так, в начале 1812 г. житель Вереи Петр Васильев сын Глушков был не только преуспевающим купцом, арендовавшим большой дом в «первопрестольной» столице, но и именовался «мануфактуристом», т.е. выходил на уровень производителя, стоявшего на качественно иной ступени хозяйственной иерархии. По данным на 1831 г. Глушков являлся всего-навсего мещанином, который не имеет никакой возможности расплатиться с висящими на нем долговыми обязательствами⁴⁵.

Просьбу о необходимости материальной поддержки уже в 1813 г. написали 366 человек⁴⁶. Общая сумма их ущерба (в соответствии с отчетом городского главы Вереи Бориса Томилина) составила без малого 100 тысяч рублей⁴⁷. Примерно половина этой суммы пришлась на недвижимость, и половина – на личные (наиболее ценные) вещи и погибшие товары.

Оказались разорены практически все общественные здания, доход с которых мог поддержать ее жителей. Таким образом, прахом пошла и мно-

готрудная, а также весьма затратная программа перепланировки и перестройки города на современных началах⁴⁸.

Город не умер после 1812 г. Ситуация напомнила события, произошедшие за двести лет до того, – Великую смуту (и не менее великое разорение) начала XVII в. Как и тогда пространственно-поселенческая сеть страны нуждалась в Верее как в уездном центре. Административные функции и роль местного рынка обеспечивали ее сохранение в городском статусе, дав пропитание жителям. Остались и работали прежние торговые связи и посреднические функции в сфере торговли. Но были утрачены накопленные ресурсы. Лишившись прежней динамики, жизнь в городе застыла. Присущая Верее активность постепенно, но неуклонно уменьшалась. К середине века все отчетливее стала наблюдаться тенденция: отказ верейцев от занятия традиционными до того промыслами в рамках родного города и их активные поиски «пропитания» за его пределами. В основном в Москве, где они, используя прежний опыт, нанимались «прикащиками» к местным купцам; на Гжатской пристани (рабочими на пристани и каналы); на фабрики (мастерскими и разнорабочими)⁴⁹.

Примечания

¹ *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1962. С. 57.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.;Л., 1950. С. 29.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1375. Оп. I. Д. 22. Л. 97 об.

⁴ РГИА. Ф. 1375. Оп. I. Д. 22. Л. 97 об.

⁵ *Белов А.В.* Городское население Московской губернии в середине XIX века: попытка социальной стратификации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История, политология, экономика и право». МГОУ. М., 2010. № 4-5. С. 45-49.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 1-112.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Ч. I. Л. 9-13об.

⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 47.

⁹ РГИА. Ф. 1375. Оп. I. Д. 22. Л. 97об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 639. Л. 19-79.; РГАДА. Ф. 16. Д. 640. Ч. I. Л. 125.

¹¹ *Белов А.В.* Изучение города в контексте региона. Попытка обоснования функционально-сетевого подхода // Историческая география. Сборник научных работ. /в печати/

¹² *Корбелецкий Ф.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании в оной. Описание с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования. – СПб.: В типографии Департамента внешней торговли, 1813. С. 11-12.

- ¹³ *Ростопчин Ф.В.* Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина. Перевод с французской подлинной его рукописи // Русская старина. Т. LXIV. Вып. 12. СПб., 1889. С. 689.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3574. Л. 13 об.
- ¹⁵ Речь шла и о жителях окрестных сел, и о горожанах. Для иностранца облик русского уездного города, пространство которого было наполнено садами и огородами, напоминало скорее деревню. Отсюда и наименование всех одним словом – крестьяне.
- ¹⁶ *Лабом Е.* Путь в Москву // Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2004. С. 255.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3648. Л. 21.
- ¹⁸ *Лабом Е.* Путь в Москву... С. 255, 256.
- ¹⁹ Там же. С. 256.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 257.
- ²³ Там же. 256.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3478; М.И. Кутузов. Сборник документов. Часть 1. М., 1954. С. 409-410, 416-417, 417-418, 418-419; Северная почта. № 82. 1812. 12 октября; Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. № 83. 1812. 15 октября. Прибавление к Московским ведомостям № 100. 1812. 14 декабря; Исторический, статистический и географический журнал. 1812. Ч. 4. Кн.1 (октябрь). С. 51-52.
- ²⁵ Центральный исторический архив н. Москвы (далее - ЦИАМ). Ф.16. Оп.6. Д.3905. Л.14-14об.
- ²⁶ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ²⁷ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52.
- ²⁸ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 5.
- ²⁹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ³⁰ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 2об-4.
- ³¹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52.
- ³² ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 56об.
- ³³ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ³⁴ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 1, 2об-4, 5-5об.
- ³⁵ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ³⁶ Частные письма 1812 года. От Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской // Русский архив 1872. № 12. М., 1872. Стб. 2391-2392,
- ³⁷ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52об.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52.
- ³⁹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52об.
- ⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 1, 2об-4, 5-5об.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 58.

⁴² ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 186.

⁴³ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 61.

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 9-38об.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁹ Военно-статистическое обозрение Московской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 6. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1853. С. 235-236.